

Глава 33. Готов стать клинком в руках князя

Цинь Шэнь той же ночью вернулся в город Гаотан.

В карете, переодеваясь из пропахшей вином одежды, он при свете настенной лампы увидел на своих грудных мышцах красные следы.

Красные пятна в форме отпечатков пальцев переплетались друг с другом. Можно было легко представить, с каким упоением рука, оставившая их, снова и снова мяла и сжимала его плоть.

Цинь Шэнь некоторое время смотрел на эти отметины, а затем решил добавить к весу своих утренних каменных гирь ещё двадцать цзиней.

К сожалению, следы оказались слишком бледными и вскоре исчезли. Он надел чистую одежду и снова спрятал за пазуху чёрно-белый складной веер.

Слова, сказанные в той комнате, всё ещё звучали в его ушах:

— Я не ворую чужого и не поливаю грязью других. Откуда же у меня нечистые помыслы?

«Он иносказательно упрекает меня в том, что я прибрал к рукам его веер, и негодует из-за того, что я самовольно нацепил на него ярлык своего "любовника". Этот Еян Цы действительно занимает первое место в списке самых злопамятных людей», — с невольной улыбкой подумал Цинь Шэнь и покачал головой.

Лишь когда он угощал его леденцом, в глубине глаз того проскальзывало едва заметное удовольствие.

«Что ж, если суждено будет вернуться живым, стоит запастись для него сладостями разных вкусов».

В Гаотане чиновники княжеской резиденции были заняты подготовкой к отъезду. Цинь Шэнь же перенёс все свои антикварные ценности, важные документы, запасы серебра и железа в подземное хранилище.

Тайник располагался глубоко под землёй, его стены были выложены из каменных блоков, а вход запечатан железной плитой. Тот, кто не знал секрета механизма, не нашёл бы его, даже перекопав землю на три чи. Даже если бы пожар уничтожил все постройки резиденции, это не причинило бы подземному хранилищу вреда.

Пять дней спустя карета князя Гаотана в сопровождении пышного эскорта и трёхсот воинов выехала из города и направилась на юг, в Ляочэн, главный город префектуры Дунчан.

В эти дни Еян Цы в своём уезде был занят руководством летней жатвой.

После праздника Манчжун наступала пора сбора яровой пшеницы. Если собрать её слишком рано, зерно не успеет созреть, если опоздать — летние ливни могут погубить урожай. Почти все жители уезда оставили свои дела и с энтузиазмом присоединились к трудовым отрядам.

Во все времена земледелию придавалось огромное значение. В такую страду даже главы округов и префектур должны были лично посещать поля, чтобы подбодрить крестьян, а то и сделать вид, что сами участвуют в жатве, дабы инспектирующие цензоры тринадцати округов не обвинили их в пренебрежении сельским хозяйством.

Еян Цы не любил показухи. Облачившись в простую одежду из пеньковой ткани, он вместе со всеми чиновниками своего ямэня с утра до ночи в течение пяти дней жал пшеницу.

Когда инспектирующий цензор провинции Шаньдун, Сюэ Тунань, тайно прибыл с проверкой, он увидел поля и холмы уезда Сяцзинь, покрытые урожаем и фруктовыми деревьями, и уездного судью, который под палящим солнцем, в бамбуковой шляпе, обливаясь потом, работал серпом умелее любого крестьянина.

Цензор Сюэ сидел под абрикосовым деревом, ел свежие плоды и с восхищением говорил своему слуге:

— Этот Еян Цы хоть и выглядит утончённо, но на деле — опытный и трудолюбивый прагматик. Всего за несколько месяцев он превратил нищий уезд в процветающее место. Должность уездного судьи для него явно мала... Что это за сорт абрикосов? Невероятно вкусные, с ароматом милезии. Когда будем уезжать, купи несколько десятков цзиней, я подарю их друзьям и родственникам.

— Докладываю господину цензору, это сяцзиньский крупный абрикос, известный своим сладким вкусом и насыщенным ароматом, — ответил слуга. — Сорт, который вы едите, называется «воронья подушка». Его вывел тот самый уездный судья Еян, скрестив несколько видов. Теперь это основной экспортный товар, который, говорят, в округе Линьцин продаётся нарасхват.

Сюэ Тунань не удержался и сорвал с ветки ещё один абрикос:

— Я думаю, когда торговые пути наладятся, эти фрукты будут продаваться по всей стране. Те, что не съедят свежими, можно пустить на курагу и варенье.

Спутник цензора кивнул:

— Верно. К сожалению, в уезде Сяцзинь слишком мало людей, много заброшенных полей и холмов. Даже эти абрикосы не успевают собрать полностью. Наверное, придётся ждать до конца жатвы.

— Пойдём, посмотрим, что в самом городе, — Сюэ Туань поднялся. — Если кто спросит, скажешь, что твой господин — торговец из Линьцина, приехавший закупать абрикосы.

— Слушаюсь, господин, — тут же поправился слуга. Отдав плодоводу мешочек с медными монетами, он направил повозку в сторону города.

Тем временем за городом Гаотан, под навесом у казённого поля, окружной судья Сюй Вэйпин откинулся на спинку стула. Слуги тут же подбежали к нему: кто-то подавал воду, кто-то вытирал лицо, кто-то обмахивал веером.

Господин Сюй провёл на поле не больше времени, чем нужно, чтобы выпить чашку чая, но от жары у него уже дымилось в ушах. Он в восьмой раз вернулся под навес и слабым голосом спросил:

— Обещают приехать, обещают, а всё пустые слова! Когда же наконец прибудет этот Сюэ Туань? Вы можете дать мне хоть какой-то точный ответ?

Вокруг него собрались его помощники, тунчжи и тунпани, принявшись его утешать:

— По достоверным сведениям, цензор Сюэ несколько дней назад уже был в Линьцине. Судя по времени, он скоро должен появиться и в Гаотане.

— На кону итоги проверки за этот год. Господин, потерпите ещё немного. Когда он уедет, мы закажем для вас пир в «Парчовой башне» на целых три дня.

— Если цензор Сюэ своими глазами увидит, как окружной судья трудится в поле, это будет убедительнее сотни похвал от других лиц.

Сюй Вэйпин понимал, что нельзя сдаваться на полпути, но жара и усталость были невыносимы. За все годы службы он всегда выбирал лёгкие пути. Даже такое хлопотное дело, как расследование появления трупов разбойников в реке Тухай и поиски пропавшего зерна по приказу малого князя Лу, он умудрился замять с помощью подлога. Когда ещё он испытывал такие настоящие трудности?

Во всём был виноват этот Сюэ Туань, прославленный своей прямотой цензор, которого при дворе называли «Сюэ Гэнцзе» и «Безмен Великой Юэ». Происходя из семьи потомственных чиновников-правдолюбцев, он имел большой вес в столице и во время инспекций ни с кем не считался, особенно отдавая предпочтение тайным проверкам.

Окружной судья глубоко вздохнул:

— Я знаю, что к чему. Когда спадёт самая сильная жара, я снова пойду в поле и сожну пару снопов.

«Солнце уже почти село, господин!» — с досадой подумали подчинённые, но и им не хотелось снова идти на пшеничное поле. Они приказали стражникам внимательнее следить за всеми дорогами и при появлении подозрительных лиц немедленно докладывать.

Солнце село, на реку Тухай опустились сумерки. На мутной воде стояла прогулочная лодка, в её каюте зажглись огни.

Судно было просторным, а каюта — изысканно и уютно обставлена. Цинь Туань в небрежно накинутом халате полулежал на кушетке и рассматривал новые чертежи костяных марионеток-механизмов, разработанные моистами.

Левый чжанши Цюй Цзин отправился в Гаотан с поручением и ещё не вернулся. Правый чжанши занимался делами в резиденции князя Лу. На лодке господина сопровождал секретарь-архивариус Чжун Сяо, который по приказу Цинь Туаня пришвартовал лодку в южной части реки Тухай, недалеко от Ляочэна.

Чжун Сяо только что подал ужин князю Лу, и не прошло и двух четвертей часа, как он снова доложил:

— Князь, прибыла Ди Хуадан. Она ждёт на берегу. Прикажете впустить?

Цинь Туань, не отрывая взгляда от чертежей, провёл пальцем по линиям:

— Одна?

— Да.

— Пусть войдёт, но без оружия.

Мгновение спустя Ди Хуадан в короткой куртке и штанах толкнула дверь каюты. Места для клинков за её спиной пустовали. Лицо её было недовольным, но она держалась спокойно.

Сложив ладони одна на другую и слегка поклонившись, она приветствовала Цинь Туаня простым и древним жестом:

— Приветствую цзюйцзы.

Моисты отвергали сложные церемонии и не придавали большого значения иерархии, но одно правило было незыблемым: приказам цзюйцзы все последователи школы должны были подчиняться беспрекословно.

Цинь Туань поднял на неё глаза:

— Наконец-то.

Слово «наконец-то» прозвучало как явный упрёк. Лицо Ди Хуадан помрачнело ещё сильнее.

— Лагерь на горе Лилун был окружён войсками из префектуры Цзинань, почтовый сокол пропал. Мы узнали о приказе цзюйцзы лишь через месяц, когда были в Дэнчжоу. В то время в Дэнчжоу началось восстание горняков; мы пополнили свои ряды и поспешили обратно в Дунчан, надеясь оказать большую помощь.

Цинь Туань неопределённо хмыкнул. Ди Хуадан ненавидела такую двусмысленность, но, помня о его статусе, сцепила зубы и стерпела.

— Раз уж вы обзавелись новым оружием, пора его опробовать, — сказал Цинь Туань. — Нападёте ночью на город Гаотан, вырежете весь ямэнь, и я зачту тебе это как большую заслугу.

«Вырезать ямэнь?» — Ди Хуадан приподняла бровь, в её глазах промелькнул интерес.

— Всех, от чиновников до их псов-стражников?

— Я хочу, чтобы труп окружного судьи Сюй Вэйпина плавал в этой реке Тухай с ртом, набитым зерном и илом, — холодно произнёс Цинь Туань.

— Слушаюсь приказа цзюйцзы, — Ди Хуадан снова поклонилась и вышла из каюты.

На палубе она разминулась с молодым человеком в чёрном халате-иса с вышитыми золотом леопардами и в большой шляпе.

Клинок у него на поясе заставил её обернуться. Мужчина тоже оглянулся и с дерзкой усмешкой произнёс:

— Главарь Ди, рад встрече.

Ди Хуадан вскинула подбородок и, прищурившись, оглядела его:

— Из какой шайки псов будешь, из гарнизона Пиншань?

Улыбка на лице мужчины не исчезла:

— Мы служим одному господину, к чему такие оскорбления. Если цзюйцзы узнает, он, я думаю, будет недоволен.

Гнев, который Ди Хуадан не могла выместить на Цинь Туане, она без колебаний обрушила на этого «коллегу» в чиновничьем облачении:

— Какому ещё «одному господину»? Я подчиняюсь только цзюйцзы, а ты служишь малому князю Лу.

— А есть разница? — спросил мужчина.

Цзюйцзы был цзюйцзы, а малый князь Лу — малым князем Лу. Ди Хуадан прекрасно понимала разницу, но не могла никому об этом сказать. Она надменно хмыкнула, вскочила на борт и прыгнула с лодки. На берегу она забрала у слуги свои сабли и поскакала на северо-восток.

Мужчина проводил её взглядом, выражение его лица было непроницаемым. Затем он повернулся, вошёл в каюту и поклонился Цинь Туаню:

— Чжэньфу тысячества Линьцин, Сяо Хэн, приветствует князя Лу.

— Чжэньфу Сяо, вы — доверенный человек цянху Гэ, — Цинь Туань оказал ему немного больше уважения и взмахом рукава указал на стул рядом. — Садитесь.

Сяо Хэн сел.

— Благодарю князя. Быть отмеченным князем и цянху — большая честь для меня. Я готов пойти в огонь и в воду по вашему приказу. Прошу, укажите.

Цинь Туань отложил чертежи и внимательно посмотрел на него:

— Я слышал, вы уже полгода тайно находитесь в Гаотане и пристально следите за моим третьим братом, передавая немало сведений. Почему же вы до сих пор не выяснили, что творится в его резиденции? Его имущество, счета, запасы серебра и зерна, шпионы в столице, тайные связи... Когда вы сможете всё это выяснить и предоставить мне?

— Резиденция князя Гаотана строго охраняется, там держат свирепых зверей, и за слугами установлен строгий надзор, — ответил Сяо Хэн. — Проникнуть туда и собрать сведения, не подняв тревоги, действительно сложно. Я собираюсь сменить личину и снова попытаться приблизиться к нему.

— Возможность скоро представится, посмотрим, сможете ли вы ею воспользоваться, — лампа на столе начала тускнеть, и Цинь Туань выразительно приподнял подбородок.

Сяо Хэн понял намёк, взял со стола маленькие серебряные ножницы и «щёлк» — подрезал фитиль. Пламя затрепетало и снова разгорелось ярче.

— Вы только что видели «Кровавый Колокольчик», — продолжил Цинь Туань. — Следуйте за ней. Когда она нападёт на город Гаотан и отвлечёт гарнизон на ямэнь, вы сможете заняться резиденцией князя Гаотана.

Сяо Хэн уточнил:

— Если разбойники-сянма нападут на город, разве князь Гаотан не встревожится? В его резиденции и вокруг неё триста отборных воинов.

На лице Цинь Туаня появилась странная улыбка:

— Цинь Шэнь в это время будет в моей резиденции вместе со своей стражей... А резиденция князя Гаотана станет ободранным ежом, готовым к варке. Собрав всё ценное, сожгите его резиденцию дотла.

Сяо Хэн, поигрывая ножницами, выслушал его с невозмутимым видом:

— Князя не будет, но в резиденции останутся чиновники и слуги. Князь приказывает сжечь только дом или дом вместе с людьми?

— Я хочу, чтобы от всей резиденции князя Гаотана остался лишь пепел, — отрезал Цинь Туань.
— Ни одна живая душа, будь то цветок, птица, насекомое или рыба, не должна уцелеть.

Сяо Хэн улыбнулся:

— Какое жестокое сердце у князя.

Цинь Туань уловил в этой улыбке что-то знакомое и на удивление не стал упрекать его в дерзости, а даже поддразнил:

— Но без достаточно острого клинка как же моё жестокое сердце сможет воплотиться в жизнь? Не так ли, чжэньфу Сяо?

— Я... — Сяо Хэн наклонился и положил ножницы в ладонь Цинь Туаня, — готов стать клинком в руках князя.

— Идите, — сказал Цинь Туань. — Я жду от вас хороших новостей.

Сяо Хэн покинул палубу, прыгнул в свою лодку и приказал гребцам плыть по течению на северо-восток. На борту его ждали ещё пятьдесят воинов в халатах-иса и больших шляпах — отборные бойцы, которых он выбрал в Линьцине.

— Сообщите нашим шпионам в Гаотане, чтобы были готовы нас встретить, — приказал он младшему знаменосцу.

Младший знаменосец написал шифровку, выпустил почтового голубя и спросил:

— Чжэньфу, может, сначала заглянем в уезд Сяцзинь и спасём старшего знаменосца Фана?

Сяо Хэн смотрел на тёмную реку, и свет меча в его памяти превратился в пару глаз, холодных и прекрасных, как весенний лёд. Он усмехнулся:

— Пока не нужно. Пока у них заложник, который знает меня как облупленного, они будут чувствовать себя спокойнее, а я смогу оказать им услугу.

<http://bllate.org/book/15875/1443359>